

ДЕЙСТВИЯ М. И. КУТУЗОВА В БЕРЕЗИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Шведов Сергей Вячеславович,
старший научный сотрудник РГВИА
(Москва)

Чем больше изучаешь документы и исторические работы, описывающие Березинскую операцию, тем больше убеждаешься в правоте генерала А. П. Ермолова в момент боев находившегося рядом с главнокомандующим 3-й Западной армией П. В. Чичаговым: «...чувствую с негодованием насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений».¹ К такому выводу, по-видимому, пришел автор наиболее полной и объективной истории Березины В. И. Харкевич. Он поставил эти слова Ермолова в самом конце своего труда.

Другой известный историк А. Н. Попов, подробно показал как пришлось П. В. Чичагову оправдываться в своих действиях. Этого потребовал никто иной как сам император Александр. Это он выбрал адмирала, на пост главнокомандующего Дунайской армией, дал ему, а не Тормасову возможность стать главным героем финального акта разгрома Наполеона. Трижды писал Чичагов царю, дважды М. И. Кутузову, отвечая на конкретные обвинения.²

Все было напрасно. В исторических трудах прочно закрепились именно те обвинения, которые были выдвинуты спустя 7—10 дней после окончания переправы французов фельдмаршалом М. И. Кутузовым. Они сформулированы в трех пунктах:³

1. Надо было оставаться на «превыгодном» правом берегу.

2. Не был истреблен мост в 300 сажень над речкой Зайкой (Ганкой) хотя войска Чичагова были там 4 дня прежде неприятеля.

3. Адмирал имел в своем наблюдении пространство не более 20 верст, узнал о переправе через сутки. Не атаковал неприятельских стрелков большими массами, а довольствовался 16 ноября действием 2 пушек и стрелков.³ (Здесь и далее все даты по старому стилю).

Документ однозначен, не содержит оговорок, объясняющих ситуацию объективными причинами. Соотношение сил, неблагоприятное воздействие погоды и местности, запаздывание курьерской связи по отношению к ходу событий от-

вергает объяснения адмирала Чичагова и генерала Ермолова как несостоятельные.

Между тем, оппоненты Кутузова приводили весомые контраргументы. И по словам штабного офицера А. Б. Голицына, узнав их, Кутузов менее всех винил Чичагова.⁴ Вот они.

Движение от Борисова к Бобру предписывалось планом операции и необходимо было для установления взаимодействия с корпусом П. Х. Витгенштейна, получения достоверной информации о противнике и времени для парирования его маневров на рубеже реки.

Осуществить уничтожение моста и гатей через пойму речки Гайна; приток р. Березина до момента самой переправы, по оперативным соображениям было неразумно. Ситуация могла существенно отличаться от той, которая возникла тогда. Если бы обозначилось большее превосходство сил Наполеона и он направился на соединение со Шварценбергом, мосты могли понадобиться русским для отступления и маневра.

Фактическая длина рубежа обороны Чичагова на Березине, действительно оказалась 20 верст (от д. Ухолды до с. Веселово). Но это стало известно после наведения переправы. А до этого М. И. Кутузов и П. Х. Витгенштейн «советовали» контролировать берег на 40 верст южнее, до м. Нижнее Березино, т. к. для контроля сил одних партизан мало. Нужен был крупный отряд для определения реальности намерений противника. При неизбежном растяжении войск, нельзя было даже за сутки обеспечить сбор превосходящих сил для ликвидации плацдарма Наполеона.

Перестрелка, к которой свелся бой в лесу у с. Стаково, не могла быть заменена боем поскольку «...по искусному выбору неприятелем места ...невозможно было употребить ни превосходной нашей артиллерии, ни хорошей и многочисленной кавалерии». (Ермолов — Кутузову 17 ноября).⁵

Позже отечественные историки, от Д. П. Бутурлина до Н. А. Троицкого, перечислили еще ряд причин, приведших к неудачному исходу операции (в скобках указаны историки делавшие упор на этих причинах).

1. Трудности создания всех условий для точного исполнения плана (В. И. Харкевич).

2. Отсутствие технических возможностей для управления армиями действующих эксцентрически (П. А. Жилин).

3. Недостаток волн и единства действий (М. И. Богданович).

4. Влияние личных амбиций М. И. Кутузова (В. И. Харкевич).

5. Задержка армии П. В. Чичагова у г. Бреста (А. Н. Попов).

Наиболее развернуто эти причины прослежены В. И. Харкевичем. Поэтому анализ достижений историографии удобнее сделать, отталкиваясь от его работы.

Документальная база труда В. И. Харкевича, изданного в 1893 году настолько солидна, что с тех пор не была существенно расширена. В современной историографии выводы В. И. Харкевича подвергались критике только П. А. Жилиным, в основном, за искажение роли М. И. Кутузова в Отечественной войне в целом.⁶ Конкретные выводы не были поколеблены.

Харкевич увидел зародыш неудачи в самом плане при сланным императором Александром сразу после Бородино. Он сформулировал ее так: «Кутузов не был автором этого плана». Он не развил эту мысль. Но можно догадаться, что он подразумевал. Главное заключалось в том, что Кутузов нашел способ принуждения неприятеля к бегству из России. Он (способ) исправно работал от Малоярославца до Красного. На Березинском этапе требовалось действовать синхронно с трех сторон, загнать Наполеона в капкан, т. е. требовалось переиграть его в военном искусстве. Вот во что не верил Кутузов.

Харкевич показал потерю темпа преследования противника Главной армии, нужный для того, чтобы не оставить Наполеона один на один с одной из армий. Осторожность Кутузова передалась П. Х. Витгенштейну. Идею движения Главной армии Кутузова к м. Нижнее Березино автор одобрил. К сожалению В. И. Харкевич фактически, солидоризовался, несмотря на множество оговорок, с указанными выше тремя обвинениями М. И. Кутузова. С одной стороны он соглашался, что «выдвижение Чичагова на левый берег представлялось решением крайне рискованным», с другой стороны, «владея обеими берегами он мог бы воспользоваться всеми преимуществами активной обороны и даже соединиться с П. Х. Витгенштейном». Высокая оценка Чичагова, которого не оценили современники, изложена Харкевичем в конце работы. К сожалению она никак не согласуется с жесткими оценками его действий, которые слегка конкретизируют замечания М. И. Кутузова. Поэтому непонятно, на чем основывается высокая оценка действий Чичагова как полководца,

В данном отношении Харкевич остался наполовину солидарен с авторами фактически критиковавшими только Чичагова и Витгенштейна (Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский, А. Н. Попов) в общем признававшими какие-то просчеты Кутузова. Подобный двойной стандарт в подходе к просчетам Кутузова с одной стороны и Чичагова и Витгенштейна с другой; особенно характерен для работ Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина называвшие последних бездарными и ничтожными полководцами, лишившими армию полной победы над Наполеоном!

Определение изъяна плана: «...Кутузов не был автором плана⁷ предполагает или несогласие с ним или вопрос о соперничестве за лавры победителя. Харкевич никак не конкретизирует смысл фразы, из чего следует, что Кутузов считал соперником императора Александра, приславшего этот план для исполнения. На наш взгляд, Кутузов, как подданный не мог всерьез соперничать с царем. Истинным соперником Кутузова мог быть только командующий 3-й Западной армии, направленной на перехват коммуникаций противника, адмирал П. В. Чичагов. Тем более, что он обсуждал детали операции не с Кутузовым, а с царем. Сюда можно добавить тот факт, что он сменил Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армии накануне подписания мира с Турцией. А. Н. Попов, опубликовав большую часть переписки Чичагова и Александра, невольно показал ясность мышления, точность расчета, дальновидность, откровенность обоих корреспондентов. Ничего подобного не было в их переписке с Кутузовым. По переписке можно проследить зарождение плана операции. Так, уже 18 июля царь писал Чичагову из Москвы: «Мы ведем войну выжидательную... Это единственное средство к успеху, на которое мы можем надеяться... План ваш очень обширный и смелый (морской десант в Константинополь с целью принуждения к ратификации мира. Экспедиция с целью давления на Австроию с юга — С. Ш.)... может быть найдется средство более удобное... а именно: не требуя настойчиво мира двинуть войска к Дунаю где вы будете усилены армией... вы пойдете на все что встретите перед собой прямо к Варшаве. Через это вы сделаете полезную диверсию для двух первых армий...».⁸ От этого замысла до плана березинской операции, согласитесь, один шаг.

Замысел операции на Березине вытекал из первоначального расположения русских армий, отступления в глубь страны только на московском направлении. Несятря на серьез-

ные изменения в соотношении сил на каждом направлении, большую динамику, непредсказуемость ответных шагов погоды, просто роль случая, этот план оставался реальным и жизненным. Об этом же свидетельствует тот факт, что помимо императора Александра многие военачальники независимо друг от друга, оценив взаимное расположение, силы и планы сторон, поняли, что Дунайская армия и корпус Витгенштейна обязаны, действуя навстречу друг другу, заставить Наполеона обратиться вспять.

31 июля М. Б. Барклай де Толли разъяснил П. В. Чичагову задачу его армии следующим образом: «В нынешних обстоятельствах не дозволяется 1 и 2 армиям действовать так, чтобы недра Государства ими прикрыты через малейшую в генеральном деле неудачу подвержены были опасности и потому оборонительное состояние их есть почти бездейственное; решение же участия войны быстрыми и наступательными движениями зависит непосредственно от Молдавской и 3-й армии и сие соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удерживать; между тем, что (как?) другая часть, находя против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайти во фланг и тыл большой его армии. ... Я давно уже и неоднократно относился о сем к ген. Тормасову и сердечно желаю, чтобы в.в. сей части театра войны прибытием вашим придали новую деятельность...»⁹.

Наследный шведский принц Юхан в августе советовал Александру I перерезать коммуникации Наполеона в Литве вооружить крестьян и поднять их против врагов.¹⁰ М. И. Кутузов в должности главнокомандующего всеми армиями первые свои распоряжения отдал Ф. Ф. Эртелю и А. П. Тормасову, ориентируя их на воздействие на фланги Наполеона, сближаясь с 1 и 2-й Западными армиями. План действия для фланговых корпусов, подписанный императором Александром I 31 августа, т. е. на следующий день после получения известия об успехе при Бородино, конечно, был просчитан не за один день. Идея, мы видим, принадлежала царю. В ее отработке участвовали ближайшие сотрудники М. Б. Барклай де Толли, П. М. Волконский.

Суть плана Александра, отправленного из Петербурга 31 августа, была такова: «Нам ... следует воспользоваться отделением главных сил неприятеля для восстановления разорванных наших сообщений и обратить превосходные силы на-

ши, с какой стороны от Полоцка за Двину на левый фланг двух неприятельских корпусов Удино и Макдональда, расположенных, и, отрезав их от главной неприятельской армии, разбить и опрокинуть на наступающие войска г.-л. Штенгелем предводимые которые довершая истребление и заменяя корпус графа Витгенштейна, дает ему способы стремительно обратиться в северную часть Минской губернии для соединения с вами (Чичаговым), тогда как с другой стороны армия, бывшая ген. Тормасова, озабочивая отбитые им соединительные два корпуса Шварценберга и Ренье, ... и удерживая их до тех пор пока предупредите вы прийти с армией... в Пинск, откуда быв закрыт движениями и бывшей армией генерала Тормасова, стремительно должно Вам броситься через Несвиж до Минска и тем отрезав Шварценберга и Ренье от главной неприятельской армии, тогда же соединиться в одну колонну с большой армией ген. Тормасова между Слободником и Несвижем дабы от неприятельские войска Шварценберга и Ренье от Минской губ. тем еще более совершенно и конечно отрезаны были, а в последствии и в другую сторону через Минск тож соединиться с гр. Витгенштейном в одно и тоже время присоединив к себе в Минске корпус из Мозыря (Эртеля — С. Ш.) так, чтобы при неразрывном соединении всех сил наших в Литве и опрокинуты и принуждены обратиться: саксонцы в княжество Варшавское, цесарцы в Галицию, пруссаки и виртембергцы за Неман, а французы иско-ренены до последнего. ... Не позднее 9 октября главные силы ваши (Чичагова С. Ш.) должны быть в Минске, где к тому же дню придет к вам отряд из Мозыря, отсюда как наискорее в одну сторону займите р. Березину и Борисов, где укрепить должно сильный лагерь, занимая и далее леса и по дороге от Борисова до Бобра и укрепляя по всей дороге сей способные к тому места, так чтоб на возвратном пути главная неприятельская армия преследуемая нашими войсками, тут на каждом шагу могло чинимо быть сильное сопротивление, — ... 15(27) октября соединитесь с гр. Витгенштейном к стороне Докшицы чем и прямейшая коммуникация ваши, как с Петербургом, так и с Киевом совершенно утверждены и обеспечены будут... Занимая т. обр. (центральную позицию — С. Ш.) ... между тем происшествия ... откроют стремление неприятеля или на левый фланг через р. Уллу, или на центр через Бобр, Борисов и р. Березину, или на правый фланг к Бобруйску, и наши три армии соединиться должны... или в центре или на котором-либо фланге...

Наконец, если бы... неприятель покусился обратиться на Киев или на Петербург, то и тут от вашей центральной позиции возможно предуспеть обратить(ся) в ту или иную сторону, закрыв или Днепр или Волхов предупредить неприятеля, а с другой стороны (будет) кн. Кутузов, до того времени быв тут в неразрывном соединении и неприятельских сношениях со всеми другими частями войск наших».¹¹

Давая разъяснения Чичагову к плану операции, Александр допускал: «Я вовсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено с буквальной точностью, но это только основа и ваше собственное, благородное, всем укажет как следует действовать». Чичагов отвечал 22 сентября: «...Все, что относится до мысли командования изложено так неопределенно, так неуместно многоречиво, во всех предписаниях ни разу не сказано, что начальство над этими армиями и корпусами будет поручено мне».¹² Чичагов, не скрывая, писал 22 сентября об этом же и Кутузову: «Хотя в доставленных (флигель-адъютантом Чернышевым) бумагах не нахожу точного выражения о вступлении мне в командование 3-й Западной армией, но по отбытии господина генерала Тормасова ... чтобы соблюсти общую пользу ... я принял над нею главное начальство...».¹³ Кутузов наоборот: «На все представления адмирала Чичагова так и генерала от кавалерии Тормасова не предписываю я им ничего, как только ссылаюсь на все предписания, через Чернышева к ним отправленные».¹⁴ Хотя фельдмаршал в данном случае, вероятно, не хотел обидеть Тормасова, чей перевод в Главную армию был уже предрешен, но в последующей переписке мы не найдем каких-либо конкретных дополнений и уточнений к плану императора, хотя изменения обстановке требовали их. Необходимость постоянного информирования друг друга была ясна обоим — «...взаимные сношения их (армий — С. Ш.) между собой необходимо должны быть чаще, обстоятельнее и подробнее». (Кутузов, Чичагов, сент).¹⁵ В донесениях императору Кутузов критиковал Чичагова гораздо резче, чем в прямой переписке, но не предъявлял подобных претензий. Так 3 октября он писал: «...я не имею подробных известий о движениях армии адмирала Чичагова и хотя сегодня получил его рапорт с нарочным, но и в том не вижу ни направления его и какую он избирает дорогу, ни о том, какую дирекцию дал корпусу генерал-лейтенанта Эртеля...».¹⁶ 23 октября также жаловался царю: «Сожалительно, что адмирал Чичагов так долго должен заниматься около Брест-Литовского и потому не может иметь

участия в общем действии».¹⁷ Мы видим, что Кутузов демонстративно не пользовался своими правами общего главнокомандующего, понимая, что царь и Чичагов не посвящают его в детали своих планов.

Тут самое время рассмотреть другой тезис Харкевича о неверии Кутузова в осуществимость плана операции.¹⁸ Предполагаемое планом действие на неприятеля с трех сторон по эксцентрическим линиям таило в себе опасность поражения одной из русских армий из-за неодновременного подхода других, а руководство операцией, особенно на конечном этапе, усложнялось сравнительно с противником многократно из-за неимения свежей информации о положении дел и намерениях командующих своими армиями, не говоря уже об армии противника. Только будучи уверенным в надлежащем развитии событий, можно было энергично сжать кольцо вокруг войск противника. Победа Наполеона над одним из русских генералов могла сильно подорвать веру в превосходство русского оружия. Риск не был в интересах генералов Александра.

В наше время догадку Харкевича подкрепил своим тонким наблюдением академик Тарле: «Вина» Кутузова не в том, что он не взял Наполеона в плен, которого он вовсе не хотел и не считал возможным взять в плен, но разве только в том, что он не высказался в этом вопросе прямо и открыто».¹⁹ Прав современный историк А. Н. Троицкий в том, что «Чичагов более всего подходил на роль жертвы. А жертва требовалась».²⁰

Между тем, Кутузов нашел свой, менее рискованный рецепт победы, заключавшийся в создании условий для бегства неприятеля перед лицом постоянной угрозы с флангов с помощью параллельного преследования, (которое он замышлил еще до 22 сентября)²¹, а стратегические ходы Наполеона грозили разрушить замыслы авторов плана (Александр, Барклай де Толли, Чичагов).

Цитировавшийся выше А. Н. Попов показал, какие возможности имели наполеоновские военачальники по комбинированию своих усилий по внутренним операционным линиям против возросших сил Витгенштейна и Чичагова.

Маршал Виктор упустил возможность удара по корпусу Витгенштейна через Витебск, где были позже потеряны большие запасы продовольствия. Это было следствие отсутствия единства командования.

Шварценберг в течение нескольких недель «танцевал» на большом пространстве южнее Бреста, не позволяя Чичагову

отойти далеко от оставленного «пасты» его корпуса Ф. Ф. Сакена. Шварценберг 22 октября описал главноуправляющему в Литве герцогу Бассано следующим образом: «Я могу разбить корпус Сакена, но потеряю несколько дней. Чичагов может успеть соединиться с Витгенштейном и напасть на меня. Надо надеяться, что Виктор соединится с Сен-Сиром и остановит Витгенштейна».²² Если бы австрийский фельдмаршал оторвался от границ своего государства и пошел за Чичаговым, последний не смог бы караулить Наполеона на Березине. Шварценберг этого не сделал, но Чичагов на это не мог рассчитывать.

Осветив хорошие шансы Наполеона, А. Н. Попов тем не менее выдвинул главную претензию Чичагову заключавшуюся в том, что «если бы он пришел на Березину на 5 дней раньше, он смог гораздо лучше организовать оборону и не сделал бы тех ошибок которые были ему инкриминированы Кутузовым».²³ Видя, что автор хорошо понимал реальность угрозы со стороны Шварценберга и одновременно продолжал утверждать, что Чичагов мог спокойно ждать Наполеона, не опасаясь оказаться между двумя огнями, убеждаемся, что позиция автора — предвзятая.

В русском лагере по мере преследования врага стала нарастать тенденция к соблюдению осторожности. Толчком к удивлению, послужило предупреждение царя Кутузову, сказанное в рескрипте от 30 октября и повторенное 1 ноября.

Исполнение плана операции с течением времени претерпело множество колебаний, не раз ставилось под вопрос. Причиной тому была: прибытие в сентябре в Смоленск 9-го корпуса Виктора, а затем дивизии Луазона и Дюрютта. Опасение Александра в том, что Наполеон успеет, если преследующая его с юга 1-я армия отстанет, разгромить Витгенштейна. Опасения Витгенштейна возможности нападения со стороны корпуса Макдональда с тыла и направление своей силы и энергии туда, были близки и понятны Кутузову.

Поскольку возможности нанести поражение Наполеону около Малоярославца и Вязьмы реализованы не были, царь возложил на Кутузова всю ответственность за последствия поворота всех сил Наполеона против Витгенштейна. Данные предупреждения стали толчком к открытым «советам» Кутузова Витгенштейну проявлять осторожность.

Для успокоения царя Кутузов приказал Витгенштейну в случае приближения к нему превосходящих сил противника укрыться в крепкой позиции. «В случае, если бы неприятелю

скрытыми движениями удалось выиграть несколько маршей и тогда, соединясь со всеми своими силами, угрожать нападением на генерала Витгенштейна, тогда он, переправясь за Двину на несколько дней, совсем уже обеспечивает, а между тем, даст способы сблизиться Главной армии с ним». (Кут. — с. и. в. 7 ноября.²⁴ Витгенштейн, увидя из предписаний Кутузова, что он более не обязан вместе с Чичаговым загораживать дорогу Наполеону и должен взаимодействовать с авангардом Кутузова, стал действовать только на арьергард Виктора в то время, как справедливо в своих записках писал Чичагов, «вместо 100 тыс. чел., которые по расчетам императора Александра должны были собраться на правом берегу Березины, оказалось только моих 20 тыс. чел. для сечи и задержания Наполеона».²⁵

Соотношение сил на заключительном этапе операции на Березине, как всегда и везде, определяло ее ход. Для нас одинаково важно каково оно было на самом деле и как представляли себе его участники.

Сам фельдмаршал Кутузов в декабре 1812 г. т. е., когда обстановка была ясна, считал: «Главная неприятельская армия, соединенная с Сен-Сиром и Виктором, представляла еще до 60000 войска, но сия армия, можно сказать, 12, 13 и 14-го. числа ноября находилась окруженнная со всех сторон».²⁶ Силы русских он определять не стал.

П. В. Чичагов в рапортах со ссылкой на показания многочисленных пленных определял силы противника в 80—90 тыс. чел., а своих в 26 тыс.²⁷ В записках он привел весь спектр данных во французской литературе от 37,7 тыс. (Шамбрэ) до 80 тыс. (Водонкур) число собственных войск он снизил за счет потерь при марше до Березины, взятии Борисова и неудачи Палена при Лошице до 20 тыс. чел.²⁸

В отечественной историографии оценка шага боеспособных войск французов постепенно снизилась с 80 тыс. у Бутурлина и 60—70 тыс. А. И. Михайловского-Данилевского, до 45 тыс. у Харкевича и 30 тыс. у В. Полторацкого. В. И. Харкевич, правда, признал в другом месте, что определить численность войск Наполеона на Березине невозможно, а из описания боя 16 ноября следует, что на 14 число их было не более 30—35 тыс. чел.²⁹

Харкевич определил численность войск Чичагова в 32 тыс. чел., Витгенштейна — в 45 тыс. (не делая каких-либо выкладок) в обоих случаях. Войска же Кутузова, с учетом авангардов и отрядов им не были исчислены.

Автор этих строк 10 лет назад провел исследование динамики численности русских войск в 1812 году. Чичагов действительно привел на Волынь в начале сентября 33—35 тыс. чел., к которым позже подошли отряд Лидерса и полки 13-й дивизии (12 тыс. чел.), которые не успели принять активное участие в битвах на Березине.³⁰ С учетом войск бывшей армии Тормасова и Чичагова на конец октября действительно было до 60 тыс. чел.,³¹ 28 из которых под командованием генералов Сакена и Эссена должны были сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье, насчитывавшие с подкреплениями менее 50 тыс. чел.³² Кроме того, в подчинении адмирала находился гарнизон крепости Бобруйск (6 тыс. чел.) и 2-й резервный корпус (14 тыс. чел.). У Витгенштейна вместе с корпусом Ф. Ф. Штенгеля чуть более 40 тыс. В Главной армии Кутузова с отрядами — до 56 тыс. чел.³³

Итак, армия Чичагова (до 26 тыс. чел. в т. ч. 16 тыс. пехоты и 9 тыс. кавалерии) в течении нескольких дней противостояла армия (по данным разведки в 80 тыс.), по данным Кутузова — 30 тыс. с учетом войск Сен-Сира, Удино, Виктора. Если бы Чичагов, в соответствии с планом операции, присоединил к себе 2-й корпус Ф. Ф. Эртеля (12 тыс.) и отряд Лидерса (6 тыс. ч.) его положение было гораздо прочнее. Но Эртель не присоединился, найдя по словам Чичагова и Ермолова «ничтожные причины». Он был отдан адмиралом под суд. Этот эпизод в историографии только упоминался и никто, кроме Чичагова, не придавал ему большого значения.³⁴ Вопрос был очень скоро закрыт в штабе Кутузова, а 10 декабря Эртель, раньше участников битвы при Бородино был награжден орденом св. Георгия 3 кл. за небольшое сражение 3—4 сентября у Горбачевичей и назначен полицмейстером тыла армии. Т. е. Эртель молчаливо признали невиновным. Между тем, из приведенного выше плана корпус Эртеля получил задачу еще в сентябре.³⁵ Правда, из рапорта Кутузова Александру от 3-го октября следует, что он не знал какую «ди-рекцию» получил Эртель, но он и не запросил об этом Чичагова.³⁶ 16 октября фельдмаршал отдал распоряжение Эртелью, если у него нет других заданий от Чичагова, обеспечивать продвижение транспорта с провиантом в Бобруйск.³⁷ Оно пришло 28 октября и вместе с разными запросами,клонившимися к снятию ответственности за склады, продвижение рекрутских батальонов, даже за «скотский падеж», появившийся на дороге, позволило Эртелью не выполнить основной план, поскольку на переписку потребовалось слишком много

времени. Налицо была какая-то невероятная ошибка штабистов, потерявших представление о роли корпуса в операции, нежелание Эртеля понести какую-либо ответственность ради выполнения плана и, вероятно, подчиняться Чичагову, когда поступила «просьба» Кутузова. Фельдмаршал, осуждая в рапортах царю адмирала за ошибки, не упоминал об Эрtele, что и дало возможность наградить его и назначить на новую должность. Кутузов сделал так, что вопрос об Эрtele не следился камнем преткновения, хотя он таким и был на самом деле. В конце ноября перед личной встречей с Чичаговым в г. Вильно Кутузов собственноручно (значит конфиденциально — С. Ш.) приписал в письме: «Что касается до Тучкова (приемник Эртеля во 2-м корпусе) и до прочего обо всем переговорим лично».³⁸

Чичагов часто писал Эрсению, ориентируя его на сопровождение обоза с провиантом, необходимым его армии в Минск. Так, 9 октября (получено 17-го) адмирал написал в распоряжении: «Мое предписание от 20 сентября о прикрытии транспортов провиантских, имеющих проходить через Мозырь к Минску, должно приложиться в исполнение в то время, когда я с вверенной мне армией, находиться уже буду в тех местах. Если какие прибыли к Мозырю то, чтобы остановить их в Мозыре. К вам присоединяется г.-м. Лидерс.

Мне остается повторить желание мое, чтобы в. п. приняли меры очистить от неприятельских партий, как большую Слонимскую дорогу, так и пространство между оной и р. Припять. Я надеюсь, что по получении столь значащего подкрепления, какое к вам доставляется г.-м. Лидерсом рекрутские депо, поставят вас в состояние, не только разогнать и истребить находящегося около вас неприятеля, но войти в сопровождение с войсками нашими, ...также открыть сообщение с Бобруйском и Минском».³⁹

Накануне сражения при Красном Кутузов получил долгожданный рапорт Чичагова (его везли две недели) о движении к Минску и Борисову и о том, что корпус Эртеля и отряд Лидерса движутся туда же. Почему он имел право 10 ноября заметить Чичагову «...что теперь, с 45—50 тыс. войска, ...если Витгенштейн, будучидержан Виктором и Сен-Сиром и не был бы в состоянии содействовать вам в поражении неприятеля, то вы соединенно с генерал-лейтенантом Эртелем и генерал-майором Лидерсом, довольно сильно будете разбить бегущего и теснимого от меня неприятеля, который почти без артиллерии и кавалерии».⁴⁰

Здесь мы видим новое отступление от плана. Чичагов с Эртелем и Лидерсом должен отражать попытки Наполеона переправиться через Березину, понятно, что вместе с указанными корпусами сохранившими боеспособность.

В том же предписании Кутузов указал длину водного рубежа, на котором он должен «предупредить» противника от Борисова до Погоста и Игумена (50 верст): «Легко может быть, что Наполеон, видя невозможность очистить себе путь через Борисов к Минску, повержен от Тологина или Бобра на Погост или Игумен, захочет пробраться на Волынь, для чего не излишне было бы наблюдать его партизанами (на левом берегу Березины, у Бобра?) дабы заранее быть извещенным о его движении там же и тем же предупредить».⁴¹

К середине октября выявились существенные отклонения от плана. Корпус Витгенштейна и Штейнгеля оставались связанными противостоянием подошедшего корпуса. Виктора и угрозой со стороны корпуса Макдональда. На вопрос императора мог ли обойти истоки р. Березины Витгенштейн и примкнуть к Чичагову Кутузов уже в декабре однозначно ответить не мог...

«Если бы гр. Витгенштейн перешел бы правый берег Березины, тогда бы неприятелю два случая представились. Первый, маскируя свое движение, показывая желание перейти ввиду Витгенштейна и Чичагова, потянулся бы он на Лепель и Пышну и, переправясь выше Березины, соединился бы с баварским корпусом Вреде и, наконец с Макдональдом. Второй, легко бы мог он, обратясь на одну первую армию (Кутузова — С. Ш.), превосходством своих сил (!) разбить оную...»⁴²

Кутузов подтвердил правильность действий Витгенштейна, наступавшего не в полную силу на почти втрое меньший арьергард Виктора, что ему и было, собственно, предписано ранее. Последняя, весьма красноречивая, фраза переворачивает наше представление об оценке сил Наполеона, у которого не было артиллерии и кавалерии, говорила о том, что принцип осторожности превалировал в действиях обоих генералов. Чичагов же гораздо меньшими силами должен был обронять фронт именно в 60 верст и ждать прорыва на Минск, навстречу Шварценбергу.

На данной конференции в 1994 г. мы показывали как Кутузов сдерживал «горячие головы» Ермолова и Платова, давая армии возможность подтянуть оставшиеся обозы, но при этом все больше отставал от противника, получившего таким

образом, три дня для переправы пока не подошли основные силы Витгенштейна и Милорадовича. Отряды Давыдова, Ожаровского, Бородина и Сеславина оперировали главным образом впереди войск Кутузова, а не вели «под конвоем» армию Наполеона. Платов шел сзади, а не впереди неприятеля, уничтожая мосты, жилье и т. д. Он объяснял это необходимости лесов. Между тем, сообщения о том, что войска Кутузова «лежат на плечах» неприятеля передавались Чичагову для выработки решения.⁴³

Плохую работу связи в Березинской операции подчеркнул П. А. Жилин. Мы хотим только добавить, что оперативная переписка шла в одном направлении в среднем две недели. Ответ на запрос приходил через месяц, за который он оставался ценным только для историков. Так можно обсуждать только далекие перспективы. На момент переправы Чичагова руководствовался указаниями Кутузова от 10 ноября, т. е. 4-х дневной давностью. То, что было основанием для выводов, тогда было опровергнуто через несколько часов, но выводы продолжали жить своей жизнью. Наполеону достаточно было произвести демонстрацию за 3—4 дня и можно было уже не беспокоиться, угроза останется актуальной до настоящей переправы в другом месте. Кстати, письмо Кутузова от 10 ноября дошло до места назначения с майором М. Ф. Орловым в ночь с 14 на 15 ноября, когда у Студенке работала переправа. На сутки раньше Чичагов получил копию, посланную через Витгенштейна, о чем пишет сам адмирал.⁴⁴

Вернемся к обвинениям в адрес Чичагова. В своих записках он правильно утверждал и перечисленные нами документы подтверждают, что переправа части войск на левый берег была необходима с целью определения места настоящей переправы. Подойти к Березине на 5 дней раньше Чичагов, как считал А. Н. Попов, едва ли мог. Угроза со стороны Шварценберга была реальной, он действовал динамично и имел достаточно сил. Реальность угрозы с минского направления признавали кроме Кутузова, Витгенштейн, Ермолов. Зембинские гати вели в другую сторону, на Вильно. Они могли потребоваться русским для перебросок сил и маневров, почему их нельзя было заранее уничтожить.

Большинство историков, в т. ч. Харкевич, считали неверным утверждение Чичагова: «уничтожение мостов и частей имело бы ничтожное значение, так как сильный мороз в ночь на 14 ноября сковал болота», — опровергаются большинством французских писателей, участников переправы. В прямом

противоречии с этим объяснением другое, что будто бы «Чаплиц умышленно не уничтожил мостов, т. к. Наполеон не имел... другого пути отступления, кроме дороги на Минск, пожертвовал бы всем, чтобы открыть себе этот путь и, благодаря превосходству сил, подавил бы Чичагова».⁴⁵

Участники событий подтверждают другое. Французская артиллерия сносно перемещалась по болотам, не говоря о людях и лошадях.⁴⁶ 17 ноября, т. е. сразу после битвы, авангард генерала Чаплица прошел по замершим болотам, хотя мосты длиной в 300 сажень (600 метров) и были сожжены.⁴⁷ В данном случае мороз явно помог французам уйти. Как лес так и болота позволяли войскам воевать только стрелковыми цепями. В них французы по признанию Ермолова были искуснее русских.⁴⁸

Противоречия в словах Чаплица, который командовал русскими против переправы, в действительности нет. Тактический расчет существовал независимо от перемены температуры воздуха. Исходя из соотношения сил, которым тогда оперировал не только Чичагов (не более 1:2) его войска могли быть принуждены открыть дорогу на Минск.

Что касается тезиса о «пустом» марше Чичагова к Шабашевичам, то еще Клаузевиц доказал, что защитить рубеж сравнительно узкой реки со многими бродами без превосходства сил невозможно, т. к. обманным маневрам можно противопоставить только многочисленные войска.⁴⁹ А. Н. Попов согласился с этим тезисом Клаузевица.⁵⁰

Подведем итоги.

Кольцо русских войск на Березине сжалось без энергии, желания во что бы то ни стало добить врага. Главным было не недостаток сил, а недостаток единства действий и воли к победе.⁵¹ Чичагов двое суток должен был один драться на переправе. Сбылось предупреждение Чичагова о необходимости общего начальника в районе Березины. Витгенштейн знал о переправе у Студянки и 14 ноября, но не пошел прямо к ней по причине плохой дороги. Харкевич привел достаточно доказательств того, что он не хотел подчиниться Чичагову, хотел взаимодействовать с авангардом Кутузова. В решающий момент произошла подмена целей маршем Витгенштейна и Кутузова и: «Главная армия от Копыся пойдет на местечко Березино во-первых для того, чтобы упредить неприятеля, если б он пошел через Березино на Игумен».⁵² Нельзя совместить выполнение плана операции и сбор продовольствия,

Чичагов не имел возможности воспретить переход Березины противником. Не так далеко в его тылу находился корпус Шварценберга. Наполеон выбрал наименее выгодный во всех отношениях путь через Зембци на Вильно, потому и прорвался там. Условия местности и погода на этот раз больше помогли Наполеону. Они в наибольшей степени помешали нанести противнику максимальные потери. Вины Чичагова тут нет.

В заключении приведем очень похожие текстуально выводы Кутузова и Чичагова: «невозможно было достигнуть результатов более пагубных как оные оказались... ибо две армии угрожали беспрестанно его флангам, когда третья шла по следам его, и таким образом, в течение двух месяцев неприятель, преследуемый и беспрестанно поражаемый на пространстве 1000 верст, едва ли с десятой частью оставил землю русскую».⁵³

План березинской операции сыграл выдающуюся роль в изгнании Наполеона из России, хотя на конечном этапе не мог быть выполнен до конца из-за множества объективных и субъективных причин. Те обвинения, которые были выдвинуты против адмирала П. В. Чичагова, как главные причины невыполнения плана, наповерку таковыми не являются. На его месте едва ли кто-нибудь мог достичь большего результата. Он пал жертвой генеральских интриг и, впоследствии, не имел случая доказать свою полководческую состоятельность, как это произошло в судьбе генералов М. Б. Барклая де Толли, Е. И. Чаплица и др.

¹ Ермолов А. П. Записки. Москва, 1993, с. 255.

² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 20, СПб., 1912, с. 110—111, 117—119, 160—164, 206—207.

³ М. И. Кутузов. Сб. док-тов. М. 1955, т. 4, ч. 2.

⁴ РГВИА, ф. 846 (ВУА). Д. 3465, ч. 2. Л. 18.

⁵ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1912, т. 20, с. 112.

⁶ Жилин П. А. Контраступление русской армии в 1812 году. М. 1953, с. 353.

⁷ Харкевич В. И. 1812 год. Березина. Вильно, 1893 г., с. 11.

⁸ РА 1870, ст. 1545—1549.

⁹ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, т. 17. СПб. 1912, с. 168.

¹⁰ РА 1905 г.

¹¹ М. И. Кутузов. Сб. док-тов. Т. 4, ч. 1. М., 1955, с. 463—465.

¹² РА 1877, № 9, с. 51.

¹³ Там же. № 11, с. 58.

¹⁴ Там же. С. 352.

¹⁵ Там же. С. 385.

¹⁶ Там же. С. 433.

¹⁷ Там же. Ч. 2, с. 189.

¹⁸ Харкевич В. И. Указ. соч., с. 17.

¹⁹ Тарле Е. В. 1812 г. М., 1959, с. 694.

²⁰ Троицкий Н. А. 1812 г.: Великий год России. М., 1988, с. 294.

²¹ М. И. Кутузов. Сб. док-тов, т. 4, ч. 1, с. 354.

²² Попов А. Н. От Малоярославца до Березны в РС 1877, № 11, с. 66—67.

²³ Там же.

²⁴ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4 ч. 2, с. 334, 322.

²⁵ РА 1869, ст. 1175.

²⁶ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4, ч. 2, с. 555.

²⁷ Сборник русского исторического общества. Т. 6, 1870 г., с. 53—55.

²⁸ РА 1869, с. 1151—1152.

²⁹ Харкевич В. И. 1812 год Березина. Вильно, 1893, с. 193—201.

³⁰ История СССР (ИС), 1987 г., № 4, с. 126.

³¹ Там же. С. 139.

³² Харкевич В. И. Указ. соч., с. 62.

³³ ИС 1987, № 4, с. 136.

³⁴ Михайловский-Данилевский А. И. ПСС СПб. 1850. Т. 5, с. 34. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб. 1860. Т. 3, с. 226.

³⁵ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1912 г. Т. 21, с. 77.

³⁶ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. 4, ч. 1, с. 433.

³⁷ Там же. Ч. 2, с. 124, 125.

³⁸ Там же.

³⁹ Материалы ВУА. Т. 21, с. 77.

⁴⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4, ч. 2, с. 345.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 556.

⁴³ Отечественная война 1812 г. на территории Калужской губернии.

Малоярославец. 1995.

⁴⁴ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4, ч. 2.

⁴⁵ Харкевич. Указ. соч., с. 141.

⁴⁶ Коленкур Арман. Мемуары. Смоленск, 1991 г., с. 258.

⁴⁷ РГВИА, ф. 103, оп. 208 А, св. 0, д. 14, л. 272—273.

⁴⁸ Материалы ВУА. Т. 20, с. 112.

⁴⁹ Клаузевиц К. О войне. М., 1938. Т. 2, с. 133.

⁵⁰ РС 1877, № 11, с. 362.

⁵¹ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 3, с. 406.

⁵² М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4, ч. 2, с. 381.

⁵³ Там же. С. 556. РС 1877, № 9, с. 363.